

СТУПЕНИ

Судьба подарила мне много лет жизни. И вот что я думаю об этом. Я столько лет живу на свете после того, как прошел через огромные трудности, пережил опасные и сложные ситуации, был в немилости у властей... А я живу. И более того, еще помню кое-то из своей биографии.

ШКАТУЛКА

Я родился в Днепропетровске в 1914 году — в начале прошлого столетия, накануне Первой мировой войны. Отец мой — Степан Березняк был столяром по специальности, но работал на Брянском металлургическом заводе. Теперь он называется завод имени Петровского. Самого Петровского, Григория Ивановича, всесоюзного старосту, отец мой знал лично.

В начале Первой мировой он ушел на фронт и служил в царской армии, водил автомобиль. Должность у него была редкая, так как автомобилей тогда было очень мало — одна машина на весь полк.

С фронта отец вернулся в нашу бедную семейку, которая проживала на Чечеловке — окраине Днепропетровска. Он пришел с гармошкой, на которой хорошо играл и пел украинские песни.

Когда мне было 3–4 года, отец уехал из Днепропетровска со всей семьей в поисках работы и лучшей жизни. Поселились мы в селе Алексеевка Кировоградской области, недалеко от железнодорожной станции Помошная.

В этом селе жил мой дедушка и его братья по папиной линии.

Отец поставил в Алексеевке глинобитную хату с глиняным полом и соломенной крышей. Мы получили надел земли, и я помню, что он располагался в трех или четырех местах далеко от села. На одном участке сеялась кукуруза, на другом озимая пшеница, на третьем подсолнухи. Удивительно, но я даже запомнил расположение этих участков.

Когда переехали в Алексеевку, шла гражданская война. Я даже помню, что через наше село проходил Махно со своим отрядом. Запомнился мне такой эпизод. Один из бойцов батьки бросил мне шкатулку, когда я стоял возле дороги. Я кинулся к

этой шкатулке, но другой махновец, опередив меня, поймал ее на лету и забрал себе.

Жили мы очень бедно. Я ходил до морозов босиком. И когда начинались холода, мама мне давала подлатанные «чобитки».

УРОКИ ОТЦА

С пяти лет я помогал отцу в поле. Он меня научил трудиться по-настоящему. И там, в селе, я полюбил труд. Наверное, именно с тех времен я понял: для человека, чтобы он оставался человеком, необходим труд. В этом я убедился на протяжении всей своей довольно продолжительной жизни.

Еще отец учил меня правде. Он мог сильно наказать меня за вранье и легко прощал «тяжкие грехи», если я в них признавался. Помню как-то, явился я со школы с разбитой губой. Отец начал допрашивать меня «с пристрастием». Я сказал ему, что упал на льду и ударился губой. «Хорошо, тогда где в это время находился твой нос?», — спросил он.

За то, что я ему наврал, он поставил меня в угол на колени. И не смотря на это, он всегда был для меня самым справедливым человеком на свете.

В детстве я очень любил плавать. В нашем селе был огромный пруд, который начинался сразу же за нашим огородом. Каждый удобный момент я использовал для того, чтобы удрать и поплавать. Отец мне категорически запрещал далеко заплывать и с огорода наблюдал за тем, как я выполнял его «предписание».

Однажды я нарушил инструкцию и переплыл пруд. Когда Березняк-старший увидел меня на другом берегу, он в наказание заставил меня обойти этот пруд пешком в чем мать родила. Это было для меня самое страшное наказание — такого позора я не выносил.

ЛЕНИН, ТРОЦКИЙ И ШЕВЧЕНКО

Мне было 11 лет, когда я закончил начальную школу в Алексеевке. Я запомнил, что на лицевой стороне свидетельства, которое я получил, были портреты Ленина, Троцкого и Шевченко.

Сама школа, в которой я учился, была маленькой и невзрачной. В 1–2 классе меня учила Ольга Евгеньевна Федосеева — очень милая женщина, жена моего родного дяди. В 3–4 классе я уже учился у заведующего школой Услыстого Ивана Степановича. Он был строгий, грубый, и оскорблял детей. Запомнил его, как самого невежественного учителя.

Если я не мог решить задачу, он брал меня за уши и толкал об доску головой. Я тоже не оставался в долгу перед Иваном Степановичем и находил способ, чтобы ему отомстить. Один раз я вылил на его вогнутый стул пол стакана воды во время перерыва. Он пришел и хлопнулся в эту воду. Когда же Иван Степанович поднялся, с него текла вода под общий хохот ребят.

Затем я поступил в 5 класс семилетней Помошнянской школы. Для того, чтобы учиться в этой школе, нужно было каждый день преодолевать около четырех километров пути. И это зимой, в грязь, дождь и слякоть. Вначале меня сопровождала мама, потом я и сам ходил. Иногда задерживался до вечера, и потом приходилось по темноте пробираться домой. Три года я испытывал неопишуемые трудности.

ДРУЖНАЯ СЕМЕЙКА

Семья у нас была очень дружная. У меня было две сестры. Старшая Лидия, а младшая — Дуся. Лида была у нас в руководителях, хотя старше меня была всего на два года. Она настойчиво пыталась управлять и командовать мною. Но эти попытки у нее были, как правило, неудачные — я оказывал упорное сопротивление.

Евгений березняк с сестрами — Лидой (справа) и Дусей, 1940 г.

Помню, был такой случай. Однажды она несла воду на коромысле и остановилась отдохнуть. Сняла ведра, коромысло поставила рядом. Увидев меня, погналась с прутом, чтобы отхлестать, но я схватил ее коромысло и огрел сестру по голове. После такого смелого отражения атаки, Лида на меня больше не нападала.

А младшую сестру мы дразнили Петухом. Она была очень «задыркувата», но мы уважали ее, как самую маленькую.

В нашей семье особой строгостью отличался отец. Его фирменное наказание — поставить в угол на колени, где была рассыпана кукуруза. Меня наказывали чаще всех. Тогда мама незаметно брала метелку и делала вид что подметает. На самом деле она выметала кукурузу из-под моих коленок, стараясь хоть таким образом облегчить мою участь.

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

До 1929 года отец оставался работать в сельском хозяйстве. А потом, не знаю даже по какой причине, он вспомнил свой Днепропетровск и вернулся туда. Начал работать на хлебокомбинате столяром, а нас оставил в селе.

В этом же 29-м умерла моя мама. Ей было всего 30 лет. Умерла очень нелепо, от ангины. На Рождество мы зарезали кабанчика, и она пошла на пруд мыть потроха. Там и простудилась. Погода была ужасная — гололед, нельзя было выехать из села, чтобы привести врача.

Мама у меня была очень добрая. Была хорошей хозяйкой и очень вкусно готовила. Я до сих пор помню ее борщ, ее плачиды (свернутые рулетом пироги).

У нас с ней была неразрывная, особая любовь, которую не могу забыть до сих пор. Умерла она на второй день Рождества. И сейчас, в свои 96 я всегда вспоминаю ее в этот день и горюю.

С этого времени началась моя самостоятельная жизнь. В 14 лет я оставил семью. В том же 29-м я закончил семилетнюю Помошнянскую железнодорожную школу.

Как раз в это время объявили досрочный набор в Зиновьевский Педагогический техникум (Зиновьевск теперь Кировоград). И я, не посоветовавшись с отцом, поступил туда учиться.

Техникум располагался в приспособленном помещении богадельни, рядом с которым был большой сад. Я получал 27 рублей стипендии, и научил себя жить на эти средства, понимая, что помощи ждать неоткуда. В нашей студенческой столовой завтрак стоил 10 копеек, а обед — 17. Я рассчитывал так, чтобы стипендии мне хватило на месяц.

Отец женился. Мачеху свою мы не любили, и разбрелись по свету кто куда.

ДЕБЮТ

После окончания техникума я попал в Ивановскую школу Кировоградской области и был назначен учителем 3 класса. И, когда я первый раз зашел в класс и попытался провести урок, я сразу понял — не для меня эта работа. Скажу честно — я просто испугался детишек. Я пытался призвать их к порядку, а они кричали. Я пытался призвать их к тому, чтобы они не кричали, а они кричали еще больше. Казалось, что мне попались непослушные, тяжелые дети. После этого неудачного дебюта, я оставил школу и свою педагогическую деятельность.

Вернулся в Днепропетровск, остановился у своего дяди, который работал инженером-строителем. И в 1932 году поступил в Горный институт, стал студентом эксплуатационного факультета. Стипендию мне установили 67 рублей, и за эти деньги я тоже умудрялся жить.

В этом же году я попал на первую в своей жизни практику горняка — в Донецкую область, село Евдокимовка. Это была шахта 16–17 Буденовского шахтоуправления, загазированная метаном, глубина которой была 1600 метров.

На практике я находился довольно долго, три с половиной месяца. По ее окончании мне присвоили звание — горный мастер. За это время я успел освоить ряд горных профессий: был отбойщиком, откатчиком, бурильщиком. Я увидел шахтерский тяжелейший труд. Увидел первого человека, придушенного лавой. Это было для меня большой школой жизни.

33-й

В голодный 33-й год я ушел с Горного института и вернулся на педагогическую работу. Думал, что в селе легче будет выжить. До сих пор считаю это глупейшим поступком, потому, что будучи студентом, я получал два фунта хлеба. А когда я приехал в село и стал учителем, я получал 6 килограмм кукурузной муки на месяц.

Мои новые ученики, дети Веселовской школы — несчастные и голодные решительно отличались от тех неуправляемых детей из Ивановской школы.

Я представляю их и сейчас — не по возрасту взрослыми с печальными личиками. Мы в это голодное время варили для них

какую-то похлебку из проса, чечевицы и гороха. Для больных детей, которые не могли прийти до школы, мы отправляли эту похлебку к ним домой. И никто из этих полуголодных детишек не посмел тронуть ту пайку, которая была положена его соученику. Это детское благородство в корне изменило мое отношение к ним.

О голоде 33-го года в последнее время стали много говорить, называя его геноцидом против украинского народа. Считаю, что это нелепый и глупый вымысел. Нужно прекратить болтовню вокруг этого страшнейшего несчастья. Голод был, ему предшествовал сильнейший неурожай, я его помню. Хлеба действительно не было. И крупнейшая ошибка советской власти и Центрального комитета партии, граничащая с преступлением, заключалась в том, что у народа забрали все «под метелку» для тотальных заготовок. Но то, что это не был искусственно организованный голод, я в этом абсолютно уверен. В это время умирали и евреи, и русские, и украинцы, и татары и люди других национальностей.

В селе Веселом, в котором я работал, в это время ни одного смертного случая не было. Правда, село находилось на «черной доске» потому, что оно не выполняло хлебосдачу, и многие его жители работали в Донбассе, получая там хлеб.

БЕРЕЗНЯК УЧИТЕЛЬ

С этой Веселовской школы начался Березняк учитель. Я преподавал буквально все предметы. Немецкий язык (хотя почти не знал его), математику, обществоведение и другие предметы.

Я полюбил детей. Играл с ними в футбол, другие спортивные игры, одним словом мы подружились. Ведь в седьмом классе у меня были ученики, моложе меня всего на три-четыре года.

Интересно, что через 35 лет я попал в это же село. Меня уже знали, как военного разведчика, майора Вихря. Сопровождал меня Первый секретарь Межевского райкома партии, заведующий областным отделом народного образования. Все село вышло на площадь встречать бывшего учителя Березняка, который со многими из них играл в футбол.

И вот подходит ко мне довольно пожилой человек, обнимает меня и признается в том, что он мой ученик. Я посмотрел на него и в шутку сказал: «Какой же я тогда старик, если у меня такой ученик».

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ «ОХВИСТЯ»

В 1934 году был создан новый район — Петропавловский, и меня забрали в отдел народного образования на работу инспектором. Благодаря новой должности я получил даже личный транспорт — велосипед харьковского производства. На все село Петропавловка он был единственным, и местная детвора бегала за мной, чтобы посмотреть, как крутятся у него педали. На этом велосипеде я с шиком приезжал в школу.

Учителя в районе меня полюбили. Я организовывал для них самые различные спортивные соревнования. Например, мы всей громадой построили парашютную вышку в селе. Когда же нужно было ее испытать, первыми забрались на самый верх секретарь райкома комсомола Алеша Середа, мой друг, и я. Алеша надел парашют, подошел к краю вышки, посмотрел вниз и сказал: «Нет, я не прыгну. Я что, дурак, прыгать с такой высоты?». Тогда я тоже надел парашют и прыгнул. Без раздумья.

Но в отделе образования я продержался недолго. В 1937 году, в год широкомасштабных репрессий пострадал и актив Петропавловки, в том числе и я.

В газете «Зирка», совершенно для меня неожиданно, появилась публикация с таким заголовком: «До конца очистить школы от националистического «охвистя». Я был главным фигурантом этого опуса. Меня обвинили в «петлюровщине», хотя при Петлюре мне было 6 лет. Просто я дружил с директором школы, который был меня намного старше по возрасту, а он имел какое-то отношение к петлюровцам.

Меня немедленно исключили из комсомола и сняли с работы. Четыре месяца я жил в состоянии полного бойкота. Со мной никто из моих знакомых не здоровался и никто не разговаривал. И только мои верные друзья — учителя Вузький, Лантух, Невеселый ночью приносили мне еду. Это был хлеб и кусок сала — харчи, чтобы я мог как-то прокормить семью (к тому времени я уже был женат). Я это все выдержал.

Через некоторое время появилась другая газетная публикация, которая меня уже реабилитировала в полной мере. Меня вызвали в райком партии и предложили подать заявление, чтобы восстановить в комсомоле. Я категорически отказался от этого предложения, заявив: «Вы меня убрали с комсомола, теперь решайте сами, что со мной делать, я не просился обратно».

Потом меня все же вернули в комсомол, а через полгода приняли кандидатом в члены партии.

ЦЕННАЯ МЕДАЛЬ

А еще через год я был награжден первой правительственной наградой — медалью «За трудовую доблесть». Эта серебряная медаль мне очень дорога, она имеет номер — 3021.

Такая медаль в те времена имела большую ценность, чем самый высокий орден. Как обладателю этой награды, мне было положено получать 10 рублей в месяц по чековой книжке (пожизненно), бесплатно ездить во всех видах городского транспорта, а также я мог попасть в любое учреждение вне очереди.

Свою медаль я получил из рук Михаила Ивановича Калинина. Интересно, что когда нас пропускали в Кремль через Спасские ворота, только один раз проверили документы. Попав в Кремль, мы могли ходить по его территории сколько угодно. Без каких-либо пропусков мы зашли и в зал заседаний Верховного Совета.

А сейчас, когда меня пригласил Президент Ющенко получить орден «Богдана Хмельницкого», проверку пришлось проходить многократно. Сначала меня проверили при входе в наш «белый дом», потом возле гардероба и еще перед заходом в зал. Каждый раз требовалось предъявить документы и ответить на вопрос: «Есть ли оружие». Мне надоело отвечать, и я на последнем этапе проверки на вопрос о наличии оружия, ответил: «Да, есть». «Придется сдать», — строго сказал проверяющий. — «Не могу, — ответил я, — оно у меня дома».

А тогда, в Кремле, когда Калинин лично вручал награды в зале заседаний, нас предупредили: «Не давите сильно руку Михаилу Ивановичу». В тот день ордена и медали получали сельские учителя Украины и Грузии. А Калинин был уже человеком пожилым, и ему было тяжело выдержать темпераментные рукопожатия лучших сынов страны.

СПАСЛА ВОЙНА

В 1938 году я поступил в Осипенковский учительский институт на географический факультет. Просто обожал этот предмет. Теперь город, в котором я учился, называется Бердянск.

В это же время я уже заведовал Петропавловским отделом народного образования, и с этой должности был направлен на руководящую работу во Львов.

В октябре 39-го года меня назначили заведующим Шевченковским районным отделом народного образования Львова. А в 40-ом году были выборы в местные советы и я был избран депутатом Шевченковского райсовета и депутатом Львовского горсовета.

Буквально через месяц меня пригласили в Областной комитет партии и назначили на довольно высокую по тем временам должность — заведующим городским отделом народного образования. Тогда мне было всего 25 лет.

В то время во Львове было около 120 общеобразовательных школ. Из них 90 — польскоязычных, 14 — еврейских и только 3 — украинских. Мы же всегда считали Львов древним украинским городом! И я начал преобразовывать польские школы в украинские. Часто по своей молодости я это делал непродуманно, но решительно и категорично. Мы приглашали на собрание родителей и принимали решение. К исходу 40-го года во Львове было уже 70 украинских школ.

Но такая активность «вылезла мне боком». Ванда Василевская обратилась с грозным письмом к самому Сталину, в котором выразила свое негодование по поводу закрытия польских школ. Сталин подчеркнуто уважительно относился к Василевской, поэтому незамедлительно создал специальную комиссию по расследованию этого «перекоса».

До начала войны оставалось немногим больше месяца, когда во Львов нагрянула комиссия. Секретарем по идеологии Областного комитета партии был в то время некий Приходько. Симпатичный человек, но трусливый и не принципиальный. Перед комиссией он отказался подтвердить, что украинизация школ проводилась с ведома Обкома. И все повесили на Березняка. Надо мной нависла колоссальная угроза. Как ни странно, но от расправы меня спасла война.